

А.И. ЗЕЛЕНКОВ

НАУКА КАК ЦЕННОСТЬ В КУЛЬТУРЕ «ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ»

Анализируется проблема двойственной взаимосвязи науки как социального института и формы рационально-теоретической деятельности со сферой ценностей культуры.

The article considers the problem of two-way interconnection of science as a social institute and the type of rational-theoretical activity with the field of cultural values.

В последние десятилетия XX в. в развитии многих современных обществ оформляются и заявляют о себе ряд тенденций, которые инициируют существенное расширение предметного поля философской рефлексии и кардинальную смену ее приоритетов. К этим тенденциям следует отнести фронтальный кризис социокультурных оснований цивилизаций техногенного типа; глобальные проблемы современности, обнаруживающие себя в потенциально возможном конфликте различных социальных структур; феномен информационной революции, ускоряющий становление виртуальных и нелинейных моделей жизни сознания. Данные тенденции социодинамики органично связаны с освоением постиндустриальных стилей жизни и способствуют активизации философских дискуссий, стимулируя поиски новых образцов и парадигм философствования. При этом наиболее популярными и востребованными темами современного философского дискурса становятся такие проблемы, как выбор и обоснование цивилизационных стратегий, адекватных социоприродной реальности; осмысление экологических вызовов современности и поиски новых форм взаимодействия человека, общества и природы; границы и возможности коммуникативной компетенции участников транскультурных контактов; феминистский поворот в культуре и философии и др.

Одной из актуальных проблем, определяющих приоритеты современных фило-

софских дискуссий, является вопрос о ценности науки и научной рациональности в постнеклассическую эпоху. Сегодня уже никто не оспаривает тот факт, что наука – это социокультурный феномен и она самым активным образом влияет на формирование базовых установок современного образа жизни, программирует цели и технологии материального и духовного производства. Вместе с тем современной науке не без оснований вменяют в вину очевидные процессы дестабилизации различных подсистем социума, безудержную экспансию человека в постоянно расширяющиеся ареалы природы и общества. Действительно, в культуре «постсовременности» наука не только утверждается в статусе естественной и доминирующей формы познавательной деятельности человека, но также приобретает аксиологическое измерение, становится безусловной ценностью, способной реализовать себя как в позитивном, так и в негативном смысле. Для того чтобы прояснить сущность и содержательно охарактеризовать данный тезис, необходимо остановиться на рассмотрении следующих принципиальных вопросов.

1. Трансформация функций науки как социального института в условиях перехода от индустриальных к постиндустриальным стилям жизни и переосмысление ее статуса в культуре «постсовременности».

2. Внутринаучные ценности и механизмы аксиологической детерминации науки.

1. Возникновение науки как специфической формы познавательной деятельности и ее институционализация в новоевропейской культуре были связаны с обоснованием особого аксиологического статуса научного знания. Начиная с Галилея и Бэкона, в европейском сознании утвердилось мнение о ценностной нейтральности естественных наук, их беспристрастности и объективности в противоположность рефлексивным формам культуры и гуманитарному знанию. Считалось, что именно наука, в отличие от философии, морали, религии, способна отразить мир в его объективных и не зависящих от ценностных устремлений человека свойствах и характеристиках. Именно стремление к истине и объективному познанию мира составляли основу эпистемологического идеала науки и требовали обязательной элиминации из нее всего того, что было связано с субъектом и формами его духовно-чувственного опыта. Однако, как справедливо заметил выдающийся немецкий ученый М. Борн, это был прекрасный сон, от которого нас пробудили мировые события.

И действительно, развитие науки и активная ассимиляция новых научных знаний в структуре производства и социальных технологий убедительно продемонстрировали несостоятельность идеализированного представления о науке как аксиологически нейтральной форме познавательной деятельности.

Дело в том, что в структуре индустриальных обществ и так называемой техногенной цивилизации происходят кардинальные изменения в интерпретации статусных функций науки и ее роли в развитии экономики, политики, культуры. Наука становится экономически и социально востребованным интеллектуальным ресурсом, который приобретает устойчиво позитивную ценностную характеристику.

Постиндустриальный тип социальности не является в этом отношении формой простой адаптации техногенных стандартов развития к условиям функционирования современных обществ. Постиндустриализм скорее позиционирует себя в качестве своеобразной цивилизационной альтернативы техногенным обществам, которые к середине XX в. вступили в фазу фронтального обострения основных противоречий социодинамики индустриального типа. И действительно, к этому периоду всемирной истории отчетливо обо-

значились границы и пределы техногенной цивилизации, сформировались и рельефно заявили о себе глобальные проблемы современности.

Весьма симптоматично, что в культуре западных экономически развитых обществ социально-психологическая реакция на появление этих глобальных вызовов индустриализма породила и стимулировала устойчивый антисциентистский синдром. Это объясняется тем, что в ценностной иерархии культурных универсалий техногенной цивилизации наука и научная рациональность занимают особое место и обретают приоритетный статус. Именно наука и базирующиеся на ней технологии выступают реальными инструментами перманентной экспансии человека в окружающую его природную и социальную среду. Важнейшие компоненты этой среды преобразуются и модифицируются в расширяющихся масштабах, вещество природы невиданными ранее темпами переводится в «неорганическое тело цивилизации». Наука олицетворяет собой меру и способы этой экспансии, она обретает подлинно символический смысл универсального социокультурного феномена, органично соединяющего в себе творческие интенции и своеобразную волю *homo faber* с тотальной ответственностью *homo morales* за результаты этой свободы и креативности. Не удивительно, что, столкнувшись с глобальными проблемами, общество пережило своеобразный психологический шок, разуверившись в возможностях науки быть гарантом социального прогресса и всеобщего процветания.

Наступает период акцентированной критики науки и научной рациональности, нарастания антисциентистских идей и настроений, разочарования в идеалах конструктивных форм творчества и созидательной деятельности. Спектр форм и жанров этой критической рефлексии по отношению к науке весьма широк. Это антропологически ориентированные версии антисциентизма, в которых обосновывается мысль о принципиальной невозможности постичь феномен человека и смысл его существования средствами научно-рационального познания. Подчеркнуто критическое отношение к науке и ее конструктивно-созидательным возможностям в обеспечении социальной стабильности и духовно-нравственного развития личности ха-

рактально для абстрактно-гуманистических версий антисциентизма. Наиболее радикальной формой критики науки и научного мировоззрения является тот тип антисциентистских представлений, который базируется на идеях тотального релятивизма и принципах «деконструкции» основных форм научно-рационального дискурса и классической культуры.

В связи с этим имеет смысл обозначить радикально антисциентистскую позицию постмодернизма, представители которого нередко претендуют на выражение своеобразной «идеологии» постиндустриальной эпохи с якобы присущей ей интенцией на развенчание научной рациональности и социального конструктивизма.

Многие представители постмодернистского типа философствования настаивают на том, что к середине XX в. современная эпоха, воплощавшая идеи и ценности так называемого «большого модерна», завершает свой исторический цикл и наступает этап «постсовременности». В философских дискуссиях последних десятилетий понятие «модерн» закрепились за исторической эпохой нового и новейшего времени с характерными для нее особенностями социального и культурного развития. Важнейшими из этих особенностей считаются непрерывная модернизация и стремление к нововведениям в противоположность традиционным культурам с их установками на консервацию и сохранение ценностей и стилей жизни. Чаще всего началом эпохи модерна считают «век Просвещения», а конец ее связывают с социокультурными изменениями последних десятилетий XX в. и процессами глобализации в современном мире.

В качестве важнейшей особенности эпохи модерна обычно называют фронтальную сциентизацию любого знания, культ естественнонаучных стандартов мышления и истекающую отсюда веру в безграничные возможности социального и научно-технического прогресса. Важно также указать на то, что культура индустриального общества базируется на идеях господствующей и контролирующей рациональности, которые трактуются как инструменты тотального господства человека над природой, всепроникающего контроля над жизнью, поведением и сознанием человека. Наука дистанцируется от морали, философии, религии, искусства.

Она превращается в доминантный компонент культуры, реализуя задачу универсализации человека не столько в системе духовных сущностей, сколько в пространстве реальной жизни и социальной практики.

Эти характеристики эпохи модерна были подвержены тотальной критике, причем идеалы научности и научной рациональности оказались в самом эпицентре если не открытого отрицания и деструкции, то по меньшей мере радикальной переинтерпретации. Так, один из авторитетных представителей философии постмодернизма Жан Франсуа Лиотар замечает, что по мере вхождения общества в эпоху, называемую постиндустриальной, а культуры – в эпоху постмодерна, статус знания кардинально изменяется. Наука трансформируется в вид дискурса, старый принцип, по которому получение знания неотделимо от формирования разума и даже самой личности, устаревает.

В постсовременную эпоху наука сохраняет свою важность в совокупности производительных способностей национальных государств, более того, она невиданными ранее темпами меркантилизируется. Но именно эти ее трансформации создают предпосылки для того, чтобы она стала «инструментом контроля и регуляции системы на ходу, простирающимся вплоть до контроля самого знания», а это неизбежно приводит к террору¹.

Науку обвиняли в том, что она посмела посягнуть на статус религии в обществе и заменить ее в функции социализации личности и совершенствования человеческого духа. Так А. Тойнби, в принципе достаточно далекий в своих мировоззренческих ориентациях от постмодернистской доктрины, тем не менее, разделяя эти идеи, замечал, что без традиционной религии дом западного человека оказался пуст. Из него все вымел рационализм. Дом аккуратно и тщательно прибрала наука, но она не сделала его уютным для обитания человека, ибо в нем не осталось религии. Заменить же религию наукой – это все равно, что предложить человеку камень вместо хлеба².

На страницах популярных изданий и эзотерических философских трактатов, в работах известных социологов, политиков, экономистов, в среде западных интеллектуалов и художественной богемы все чаще в этот период наука становится объектом ради-

кально критической рефлексии. Ее обвиняют в реальной дестабилизации социальной жизни, в том, что она ответственна за разработку и использование репрессивных механизмов власти и контроля над поведением человека. Наука, по их мнению, создает необходимые когнитивные и технологические предпосылки для тотализации отчуждения в обществе, базирующемся на ценностях сциентизма и технократизма. В результате существование человека необратимо редуцируется до уровня экономической одномерности и утрачивает ощущение полифоничности бытия. Рассмотрим, насколько же оправданы такие оценки науки и в какой мере она ответственна за те реальные кризисные процессы и глобальные вызовы, свидетелями и участниками которых становятся сегодня практически все страны и регионы мира.

С одной стороны, действительно, уровень социальной дестабилизации, плюрализма и неопределенности постоянно возрастает в большинстве современных обществ. Так, известный британский социолог Зигмунт Бауман в одной из последних своих книг «Индивидуализированное общество» пишет о том, что на рубеже XX–XXI вв. ощущение кризиса становится почти всеобъемлющим и всепроникающим. С каждым новым шагом навстречу XXI в. интеллектуальные элиты все меньше и меньше внимания обращали на позитивные аспекты социальных изменений, в то же время перманентно возникающие проблемы в области экономики, этики, политики акцентированно становились объектом подчеркнутого внимания, тенденциозных оценок и психологических манипуляций. При переходе от обществ «модернити» к социальным структурам «постмодернити», пишет З. Бауман, постоянно нарастает дисбаланс в функционировании основных подсистем социума. Для характеристики этого дисбаланса он использует немецкий термин *Unsicherheit*, понимая под ним «комплексный дискомфорт, включающий в себя, помимо ощущения небезопасности, неуверенность и незащищенность»³.

Подобных оценок современного состояния мирового сообщества можно приводить очень много, и тезис о том, что западный цивилизационный порядок «в настоящее время достигает критической массы безответственности и отчуждения, способной спровоцировать новый пугающий антикапиталистический

импульс»⁴, сегодня уже никого не удивляет. Однако попытки обвинить в этой широко масштабной дестабилизации современных обществ науку и научную рациональность далеко не самые продуктивные формы осмысления и объяснения сложившегося миропорядка. Более того, презумпция реализма и ответственных оценок роли науки в успешном разрешении глобальных и локальных проблем XXI в. наглядно доминирует на страницах многих изданий и работ социально-гуманитарной направленности. Так, например, тот же З. Бауман заявляет, что именно кризис рационального сознания, неспособность действовать рационально и адекватно требованиям жизни становятся знаковым недугом эпохи позднего модернити и постмодернити⁵. Аналогичная оценка высказывается и известным ученым, основателем и президентом Будапештского клуба Эрвином Ласло, который пишет: «Наука способна внести свой вклад в заживление зияющих разрывов, отделяющих одного человека от другого, одну нацию или культуру от других наций или культур и всего человечества от Земли и космоса»⁶.

Роль знания и прежде всего рационально обоснованных и доказанных научно-теоретических знаний становится основополагающей и беспрецедентно значимой в условиях современной социальной реальности. Это положение является центральным в концепции постиндустриализма и разделяется сегодня безусловным большинством как ученых и аналитиков, так и реальных участников социально-экономических и политических реформ и преобразований. Здесь вполне уместно сослаться на авторитетное мнение Д. Белла: «Знание... – пишет он, – необходимо для функционирования любого общества. Однако постиндустриальное общество отличается тем, что изменился сам характер знания. Главным при принятии решений... стало доминирование *теоретического* знания, превалирование теории над эмпиризмом и кодификация знаний в абстрактные своды символов, которые, как в любой аксиоматической системе, могут быть использованы для изучения самых разных сфер опыта»⁷.

Столь же однозначны и оценки всемирно известного эксперта по проблемам современной социодинамики профессора Школы менеджмента им. А. Слоуна при Массачу-

сетском технологическом институте Лестера К. Туроу. Разделяя базовые концептуальные установки постиндустриализма, он характеризует современную эпоху и свойственные ей формы экономической жизни как хозяйственную систему, базирующуюся на знаниях (knowledge-based economy). Такое общественное состояние он рассматривает как третью стадию хозяйственного прогресса. Согласно его теории, на протяжении двух-трех последних столетий произошли три промышленные революции: первая, в конце XVIII – начале XIX в., завершает эпоху господства аграрного сектора и знаменует собой переход к использованию паровой энергии и машинному производству; вторая связана с освоением электрической энергии и переводом процесса технологических нововведений на систематический уровень, она относится к концу XIX – началу XX в.; третья, порожденная бурным развитием микроэлектроники и компьютерной техники, происходит в настоящее время⁸. Причем именно третья промышленная революция радикально изменяет роль и статус науки в жизни общества, наделяет теоретическое знание функциями социокультурной генерации, когда оно используется не только как основной ресурс для порождения новых технологий, но и как общественное богатство. Исходя из этого, «умножающееся знание оказывается основным условием современного экономического успеха»⁹. Л. Туроу констатирует, что сегодня наука и теоретические знания становятся «новым источником богатства, чего никогда не случалось ранее»¹⁰. Естественно, это порождает такие социокультурные обстоятельства, в которых отрицать аксиологический статус науки или декларировать ценности антисциентизма можно лишь за пределами ответственной реалистической позиции, когда философско-художественные размышления о сущности и проблемах современной эпохи не претендуют на экспертные оценки и последующие конструктивные решения. В подтверждение этого тезиса можно привести некоторые данные о динамике роста инвестиций в сферу научных исследований и разработок (НИОКР), характерных для наиболее развитых стран мира и крупнейших корпораций. Так, США и Европейский союз в конце XX в. тратили от 2,3 до 2,6 % их ВВП на исследования в сфере фундаментальных наук, Япо-

ния – 2,8 % ВВП на решение прикладных задач и внедрение технологических достижений в производство. «Боинг», например, расходует на научные исследования средства, равные 4 % общей суммы продаж своей продукции, у «Интел» этот показатель превышает 9 %, а у «Майкрософт» – 17 %¹¹. На фоне этих цифр данные о финансировании научных исследований и основанных на них технологических разработок в странах, не входящих в число постиндустриальных обществ, выглядят существенно по-иному. Так, например, доля науки в валовом национальном продукте СССР составляла более 2 % в год, а в современной экономике России в последнее десятилетие XX в. она колебалась в пределах 0,3–0,4 %. Соответственно доля России на современном Мировом рынке наукоемкой продукции составляет примерно 0,3 %, тогда как развитые страны Запада занимают на нем ведущие позиции. Доля США равняется примерно 40 %, Германия, Англия, Франция имеют показатели в пределах 8–10 %¹². Количество подобных примеров может быть значительно умножено, однако это не меняет тональности основного вывода.

В современной культуре и особенно в обществах, призванных решать проблемы комплексной модернизации, востребованы не столько постмодернистские идеи фронтальной критики разума и научной рациональности, сколько создание и популяризация высокопрестижного имиджа науки. Она должна обрести статус одного из базовых приоритетов социокультурного развития и важнейшей ценности в структуре национального самосознания. Сегодня, как и раньше, весьма не просто оспорить утверждение Гегеля о том, что человеком и обществом правят скорее неразумие и недомыслие, а вовсе не разум и научная обоснованность. Поэтому в условиях «постсовременности», несмотря на характерные для нее глобальные проблемы и противоречия, востребованы не рассуждения о тоталитарной природе разума и репрессивной сущности науки, а идеи социокультурного конструктивизма, базирующиеся на научно и рационально обоснованных методологиях анализа и решения тех социальных проблем, которые ставит перед нами постиндустриальная эпоха. Именно такой созидательно-конструктивный акцент в обсуждении и интерпретации проб-

лемы соотношения науки и ценностей характерен для философско-методологических ее исследований, осуществляемых в традиции анализа аксиологической или социокультурной детерминации научного познания.

2. Даже самый краткий ретроспективный анализ проблемы аксиологической детерминации науки на разных исторических стадиях ее эволюции предполагает предварительное прояснение самого понятия «ценность» как одного из сложнейших феноменов и предметов философско-методологической рефлексии. Этот загадочный феномен неоднократно приобретал статус весьма важной проблемы философского осмысления и различных интерпретаций. Несмотря на то, что на протяжении XX в. проблема ценностей неоднократно становилась предметом активных дискуссий как в западной, так и отечественной философии, это не привело к сколь-нибудь значимому консенсусу относительно природы ценностей и их статуса в различных формах культуры и духовного производства. Вместе с тем большинство исследователей этой проблемы согласны в том, что в культуре ее ценностные компоненты функционируют как социально значимые ориентации и идеалы деятельности, выраженные в форме нормативных установлений. Их отличительной особенностью являются модальность, долженствование, благодаря которым они способны задавать императивные ориентации личности как субъекту познавательной и конструктивно-преобразующей деятельности. И все же нельзя не согласиться с Л.А. Микешинной, которая, ссылаясь на мнение Л. Витгенштейна, замечает, что Б. Рассел в беседах с ним часто употреблял выражение «логический ад», поскольку оно совершенно точно выражает то, что мы испытываем при размышлении над логическими проблемами, а именно: их чрезвычайную сложность, трудноуловимость. По аналогии с этой оценкой можно охарактеризовать и проблему «знание и ценности». Это тоже «логический ад». Всегда будут разные точки зрения и дискуссии на темы: могут ли быть ценности знанием, нуждается ли познание в ценностях, существуют ли абсолютные ценности, свободна ли наука от них? Проблема остается сложной и «трудноуловимой»¹³.

Этот дискуссионный контекст становится еще более очевидным, когда проблема цен-

ностей начинает рассматриваться в традиции философско-методологического анализа с целью реконструкции механизмов аксиологической или социокультурной детерминации науки как системы знания и познавательной деятельности. Остановимся на фиксации лишь одного из аспектов этой многогранной проблемы, а именно рассмотрении важнейших видов или форм ценностных оснований науки.

Типологии и классификации ценностей достаточно многочисленны. Они выстраиваются по различным основаниям. Тем не менее можно утверждать, что подавляющее большинство этих классификационных систем принципиально не отличаются от кантовской типологии ценностей, а лишь варьируют ее базовые установления. Как известно, Кант выделял четыре вида ценностей: логические, эстетические, этические и религиозные. Впоследствии, даже в рамках одной из самых обстоятельных систематик ценностей, разработанных Г. Мюнстербергом в «философии ценностей», не обнаруживается выхода за рамки этого деления и функциональной дифференциации ценностных компонентов культуры.

Применительно к науке такая четырехчленная типология существенно упрощается, и, как правило, всю совокупность ценностей, влияющих на процесс научного познания, разделяют на внутринаучные, или когнитивные, и социальные ценности. Одной из актуальных проблем ценностного измерения современной науки является вопрос о взаимосвязи и опосредовании внутринаучных, или когнитивных, ценностей, разделяемых сообществом ученых, и социальных ценностей, которые задают фундаментальные приоритеты и цели развития общества на конкретном историческом этапе его существования.

Внутринаучные ценности представляют собой совокупность нормативных предписаний и институциональных императивов, которые выполняют функции организационной интеграции различных научных сообществ и регулируют характерные для них формы исследовательской деятельности.

Этот тип ценностных ориентаций ученого нередко называют когнитивными ценностями, поскольку они в существенной степени определяют структурно-содержательные требования, предъявляемые к новым научным

знаниям. К ним могут быть отнесены различные методологические императивы, задающие тот или иной тип научной рациональности в качестве необходимого нормативного образца для новой научной теории. Модели объяснения и обоснованности знания, стандарты его организации и структурного оформления, логико-методологические требования объективности, непротиворечивости и многие другие составляют пространство этих имманентных для науки норм и ценностей, определяющих intersubъективный и общезначимый статус новых научных знаний.

Социальные ценности укоренены в культуре общества и детерминируют важнейшие императивы социальной жизни. Свои нормативно-регулирующие функции они реализуют в форме политических, религиозных, правовых, моральных, эстетических взглядов и убеждений, разделяемых членами данного сообщества. Отношение к науке, формы ее оценки и интерпретации в различных социальных группах и конкретно-исторических типах социума всегда составляли важную часть аксиологического пространства культуры и конституировали различные модели взаимодействия общества и науки.

Одним из значимых достижений философско-методологических исследований структуры и динамики научного познания во второй половине XX в. было системное обоснование идеи социокультурной детерминации науки. Сформулированная в языке аксиологии познания эта идея означала, что индивидуально-ценностное отношение субъекта к предмету, целям и условиям научного исследования в существенной степени зависит от историко-культурного контекста или доминантных ценностей того типа культуры, в котором осуществляется личностная и профессиональная социализация ученого. Важная роль в реализации этой функции ценностно-нормативных оснований научного познания принадлежит предпосылочному знанию. Согласно Л.А. Микешиной, «в этом знании в логико-методологической форме должны быть отражены и зафиксированы все виды ценностных отношений самого процесса познания: от социально-психологических до социально-экономических и культурно-исторических; от внутринаучных методологических до философско-мировоззренческих»¹⁴.

Как правило, всю совокупность форм предпосылочного знания подразделяют на

два больших класса аксиологических оснований науки: концептуальные и доконцептуальные (иногда их называют неконцептуальные). К первым обычно относят философские категории и принципы, общенаучные методологические регулятивы, идеалы и нормы научного исследования, исторически конкретные стили мышления и научные картины мира. Во второй класс ценностных предпосылок науки чаще всего попадают нормы «здравого смысла», интуитивно очевидные констатации о предмете и целях познания, художественно-поэтические, моральные и эстетические оценки природы научного исследования и др. В этих глубинных, неэксплицированных основаниях науки обнаруживается тот изначальный горизонт событий и форм их языковой фиксации, который Гуссерль называл «жизненным миром» и в котором как бы «схватываются» вербальные установки всякого деятельного сознания. Конкретным примером этого типа ценностных предпосылок науки может служить метафора, объяснительный потенциал которой базируется на использовании ассоциативных связей и неочевидных форм умозаключений по аналогии¹⁵.

Концептуальный уровень предпосылочного знания требует использования языковых конструкторов и мыслительных схем, воплощенных в логико-дискурсивных формах. Они усваиваются ученым, как правило, в процессе сознательного осмысления определенного социокультурного фона, объективированного либо посредством философско-мировоззренческих принципов и универсалий, либо контекстуально, вместе с эмпирическим и теоретическим содержанием самой науки.

Ценностные предпосылки доконцептуального уровня выражены зачастую в формах образно-художественного языка и активно используют вербальный потенциал суггестивных риторических практик. Это некогнитивные формы предпосылочного знания и интегрировать их в «тело науки» непосредственным образом невозможно. Тем не менее они органически связаны с методологическими регулятивами науки и обнаруживают себя как на уровне обыденного сознания, в форме стихийно мировоззренческих ориентаций и представлений о предметной области, установках познания, так и через профессионально разработанные теоретические концепции и методологические схемы.

Следует отметить, что, несмотря на определенную языковую специфику и функциональную акцентированность каждого из указанных типов ценностных предпосылок научного познания, их разграничение является скорее своеобразной идеализацией реальных процессов научного исследования и носит относительный характер. Этот тезис находит убедительное подтверждение, когда мы начинаем анализировать те метатеоретические основания, которые предложены в западной философии науки во второй половине XX в. с целью зафиксировать факт социокультурной или ценностной детерминации научного познания. «Парадигма» Т. Куна, «эпистемы» М. Фуко, «глубинные тематические структуры» Дж. Холтона, «концептуальные установки» Я. Хинтикки, «исследовательская традиция» Л. Лаудана и другие версии аксиологически размерных предпосылочных структур науки представляют собой образцы во многом метафорически выраженных и синкретичных конструктов, в содержании которых достаточно произвольно сочленяются концептуальные и доконцептуальные формы предпосылочного знания. Одной из причин такой синкретичности в интерпретации содержательных и функциональных особенностей важнейших метатеоретических оснований науки, призванных установить своеобразный «мостик» между социокультурными ценностями эпохи и реальной практикой научных исследований, является недостаточная структурная дифференциация основных компонентов теоретического знания и форм его взаимодействия с ценностным слоем культуры. Весьма перспективна в этом отношении представленная в работах В.С. Степина концепция метатеоретических оснований науки, которая позволяет не только вполне корректно дифференцировать ценностные и методологические компоненты в структуре предпосылочного знания, но и наметить перспективные направления исследования механизмов интеграции аксиологических оснований культуры в содержание методологических регулятивов, а через них и в «тело» самой науки. «Именно основания науки выступают, с одной стороны, компонентом внутренней структуры науки, а с другой – ее инфраструктурой, которая опосредует влияние на научное познание социокультурных факторов и включение научных знаний в культуру соответствующей исторической эпохи»¹⁶.

При такой постановке вопроса проблема ценностей в познании реально переводится в пространство философско-методологической рефлексии над наукой. Это позволяет существенно расширить традиционное понимание природы ценностей культуры как нравственных и эстетических ее компонентов, добавив к ним когнитивные ценности, призванные целенаправленно ориентировать процедуры научно-исследовательской деятельности. К тому же данный ракурс анализа ценностной природы познания позволяет вполне определенно обозначить механизмы трансляции ценностных компонентов культуры в содержание логико-когнитивных конструктов, призванных оптимизировать процесс научного поиска и вместе с тем органично вписать его результаты в конкретно-исторический тип культуры.

Эволюция ценностных установок сознания по отношению к науке и трансформация ее идеалов и норм обнаруживаются лишь в эпохи глобальных революций в познавательной деятельности, когда не только происходит смена предметного поля познания, но и существенно изменяется структура духовного производства в целом. Одна из таких эпох связана с генезисом классической науки в конце XVI – начале XVII в.

В сложном многообразии мировоззренческих, философских и культурных тенденций Ренессанса можно вычленить некоторые ценностные инварианты, оказавшие значительное влияние на процесс утверждения идеалов и норм науки. К ним можно отнести: 1) установку на десакрализацию природы и культуры, повсеместное утверждение стандартов и эталонов светской культуры, стремление к рационализации и естественному объяснению всего сакрального и мистического в понимании объектов, средств и целей деятельности; 2) переход от представлений о статической гармонии бытия к динамической картине мира с соответствующими ей интерпретациями движения, пространства и времени; 3) распространение свободомыслия и замену провиденциализма и телеологии принципом человеческой активности, установку на отрицание статичного набора правил, стереотипов и культурно-профессиональных норм деятельности, наличие слоя инноваций в культуре эпохи; 4) переход от личностно-мировоззренческой ориентации познания к материально-производст-

венной направленности науки, предполагающей практическое использование знаний.

Рациональная экспликация и философское обобщение этих ценностей эпохи Возрождения, соответствующая их конкретизация посредством перевода в язык методологических нормативов позволяют обосновать значимый вывод о глубинной корреляции этих ценностей с содержательными и операциональными характеристиками классического стиля научного мышления¹⁷.

Вывод о принципиальной важности ценностей культуры для определения стратегических ориентаций научного познания, его предметно-содержательных и методологических характеристик сохраняет свою значимость и актуальность и применительно к современной науке. Она также может быть рассмотрена в контексте той глобальной революции, которая знаменует собой становление радикально нового типа научной рациональности. Одна из отличительных его особенностей состоит в том, что он с необходимостью предполагает учет и интеграцию важнейших ценностей современной культуры в концептуальные построения и теории как социально-гуманитарных, так и естественных наук.

Прежде всего в современной ситуации формируется новое видение природы и обосновывается принципиально отличный от классического тип взаимодействия человека с природной средой его обитания. На смену механическим интерпретациям природных объектов приходят целостные «организмические» модели. Экологический стиль мышления становится всеобъемлющим и обнаруживает свои эвристические и объяснительные возможности не только в науке, но и культуре в целом. «Холистическая парадигма... говорит нам, что мы не машины, хотя устроены сложно и изощренно. И мы не отделены всецело друг от друга и от нашей планетарной среды. Мы, наделенные сознанием элементы природы, взаимодействуем друг с другом, со всей биосферой и с беспредельным Универсумом»¹⁸.

Новый диалог человека с природой предполагает также реализацию кардинальных трансформаций и в понимании процессов динамики и изменения природных объектов и систем. Открытие синергетики и обоснование нелинейных методологий мышления способствовали утверждению такой картины

мира, в которой порядок, стабильность и равновесие не являются доминантными состояниями реальности. Напротив, в ней преобладают флуктуации, неустойчивость, неравновесность, бифуркационные развязки¹⁹. Синергетика существенно модифицирует классический стиль мышления и способствует утверждению в культуре нового концептуального и ценностного сдвига. С принятием и распространением ее идей происходит «переход от категорий бытия к событию... от существования к становлению, от эволюции к коэволюции... от независимости и обособленности к связности, когерентности автономного, от размерности к соразмерности, фрактальному подобию образований и структур мира»²⁰.

В сложной совокупности аксиологических приоритетов современной эпохи следует указать еще на одну ценностную трансформацию, существенно повлиявшую на динамику норм и эталонов научного мышления. В классической картине мира понимание человека как демиурга, осуществляющего силовое преобразование природы и социальной реальности, являлось атрибутивным и смыслообразующим. В культуре «постсовременности» формируется и начинает преобладать принципиально иная интенция. На рубеже веков особую популярность приобретает «этика ненасилия», включающая в свое содержание идею экзистенциальной ответственности человека за все свершающееся в этом мире, а также отвергающая принцип его господства и воли к власти над природой и социальными процессами. В современном мире все люди независимо от того, где они живут и чем занимаются, несут ответственность за свои действия как частные лица, как граждане страны, как работники или другие участники экономических процессов, как члены человеческого сообщества в целом и как личности, наделенные интеллектом и сознанием²¹.

Э. Ласло считает, что в основе такой этики ненасилия и ответственности лежит идея почтения к естественным системам, глубоко укорененная в религиозно-философских учениях Востока. В связи с этим следует заметить, что новый тип научной рациональности может быть сформирован лишь при условии органичного взаимодействия различных культурных традиций и систем ценностей. Несмотря на глобализацию как основопола-

гающую тенденцию социодинамики современного мира, в нем еще очень много различий и проявлений социокультурного плюрализма. Поэтому не только диалог Запада и Востока, но скорее полилог многих культур, содействующий созданию полифонического пространства знаний, идей, ценностей, должен стать важнейшей предпосылкой формирования ценностной матрицы современного миропорядка. В нем на равноправной основе будут слышны голоса как цивилизаций Запада и Востока, так и других регионов мира, представляющих все многообразие культурных смыслов и ценностей современной эпохи.

Таким образом, не только классическая наука, но также и характерный для нашего времени тип научной рациональности формируются под ощутимым воздействием ценностного строя культуры и важнейших ее мировоззренческих универсалий. Новые смыслы и ценностные установки культуры постсовременной эпохи через механизмы социокультурной детерминации метатеоретических оснований науки и предпосылочно-го знания опосредованно влияют на предметно-содержательные и методологические характеристики научного познания. Они во многом определяют его цели и стратегические приоритеты развития. А это означает, что тезис об органичном единстве и взаимодействии науки и сферы ценностей получает еще одно важное подтверждение. Наука была и остается фундаментальной ценностью в культурном многообразии постсовременной эпохи. Вместе с тем важнейшие аксиологические установки этой эпохи существенным образом влияют на науку, выступая в

функции ее «моделирующих систем», задавая наиболее общие схемы видения мира и эталоны его теоретического освоения.

¹ См.: Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998. С. 14–20, 158.

² См.: Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М.; СПб., 1996. С. 384.

³ Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 44.

⁴ Harvey R. Global Disorder. London, 2003. P. 269.

⁵ См.: Бауман З. Указ. соч. С. 43.

⁶ Ласло Э. Макросдвиг (К устойчивости мира курсом перемен). М., 2004. С. 164.

⁷ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999. С. 25.

⁸ См.: Thurow L. Creating Wealth. The new Rules for Individuals, Companies and Countries in a Knowledge-based Economy. London, 1999. P. 3–5.

⁹ Ibid. P. 52.

¹⁰ Ibid. P. XV.

¹¹ Ibid. P. 107–108.

¹² См.: Основы философии науки / Под ред. проф. С.А. Лебедева. М., 2005. С. 474.

¹³ Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. М., 2007. С. 419.

¹⁴ Микешина Л.А. Указ. соч. С. 172.

¹⁵ См.: Теория метафоры. М., 1990.

¹⁶ Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000. С. 11.

¹⁷ Подробнее см.: Зеленков А.И. Идеалы науки и ценностная природа познания // Идеалы и нормы научного исследования. Мн., 1982. С. 159–180.

¹⁸ Ласло Э. Указ. соч. С. 163.

¹⁹ См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М., 1986.

²⁰ Князева Е.Н. Одиссея научного разума: синергетическое видение научного прогресса. М., 1995. С. 218.

²¹ См.: Ласло Э. Указ. соч. С. 200.

Поступила в редакцию 22.01.09.

Анатолий Изотович Зеленков – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки.